

Романовская Ирина Валерьевна

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
romanovskaia.irina@gmail.com

Абрамова Оксана Геннадьевна

Петрозаводский государственный университет,
Россия, 185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33
abramova@petsu.ru

Антиутопия в творчестве Х. Мартинсона и А. П. Платонова

Для цитирования: Романовская И. В., Абрамова О. Г. Антиутопия в творчестве Х. Мартинсона и А. П. Платонова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2022, 19 (2): 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205>

В статье предлагается сравнительный анализ двух принципиально разных по форме выражения художественных текстов — поэмы «Аниара» Х. Мартинсона и повести «Котлован» А. П. Платонова. Обозначены точки соприкосновения художественной философии двух авторов, общая тематика, идейная близость, обусловленные как частным жизненным опытом, так и путями общественно-политического развития мирового сообщества в первой половине XX в. В основе анализируемых произведений лежит идея совершенствования бытия, доведенная до такой степени абсурда, что изначально положительные идеи строительства общепролетарского дома (у Платонова) и «спасения» в космическом пространстве (у Мартинсона) приводят к катастрофическому результату — ведут человечество к гибели. Если повесть Платонова хорошо известна широкому кругу читателей, то поэма шведского автора для многих является открытием, примером постапокалиптической антиутопии, написанной изящным поэтическим языком. В данной статье впервые рассматриваются связи этих двух произведений не только с точки зрения жанровой принадлежности (и поэма, и повесть представляют собой антиутопии), но и с точки зрения архитектоники сюжета. Сюжетные линии произведений выстраиваются из таких мотивов, как мотив странствия (пути), мотив поиска счастья, истины и мотив смерти, причем последний является ключевым для обоих произведений. Художественные тексты сближают образы дома и могилы, саркофага, пропасти, каждый из которых можно рассматривать и как отдельный самостоятельный образ, и как разное воплощение одного и того же. Образ дома — центральный в обоих произведениях — создается с опорой на базовые категории света и тьмы. В статье последовательно описывается, как с помощью схожих художественных приемов (замедление действия, контраст, деиндивидуализация и др.) создается антиутопическая модель мира в произведениях русского и шведского писателей.

Ключевые слова: антиутопия, Х. Мартинсон, *Аниара*, А. П. Платонов, *Котлован*.

Харри Мартинсон и Андрей Платонов — два выдающихся писателя-философа XX в., внесшие заметный вклад в развитие национальных литератур. Мартинсон еще при жизни был признан современниками: в 1949 г. он занял почетное место в Шведской академии, в 1974 г. стал лауреатом Нобелевской премии (совместно с Э. Юнсоном) «за творчество, в котором есть все, — от капли росы до космоса» [The Nobel Prize 2020]. Платонов же не был столь известен, его вклад в литературу был по достоинству оценен только после смерти прозаика. При том, что писатели жили и создавали свои произведения приблизительно в одно время (годы жизни Мартинсона — 1904–1978; Платонова — 1899–1951), авторы имели разный жизненный и творческий опыт. Платонов писал в условиях сильного идеологического контроля: произведения подвергались жесткой цензуре, из опубликованного при жизни писателя многое редактировалось. Мартинсон вырос в другой среде, менее зависимой от идеологии. Тем не менее идеология как система идей, представлений, концепций о мироустройстве — это тот центр, к которому восходит творчество шведского и русского писателей. Мартинсон, побывав в 1934 г. на Всесоюзном съезде писателей в СССР в качестве иностранного гостя, выступил резким противником тоталитаризма и спустя несколько лет, не скрывая своего неприятия к идеологическому режиму СССР, был готов воевать на стороне Финляндии против СССР. Данный факт биографии Мартинсона показывает, насколько остро воспринималась шведским писателем тема доминирования идеи над жизнью. У Платонова эта тема пройдет красной нитью через все его творчество.

При всей очевидной разности этих авторов их идейная близость видна невооруженным глазом. Шведская переводчица К. Эберг Линдстен, хорошо известная по переводам «Котлована», «Джана», «Счастливой Москвы», «Чевенгура» на шведский язык, указывает на типологическое сходство писателей, основывающееся на многогранности и глубине их творчества [Романовская 2019: 231]. Мартинсон и Платонов — это не только писатели одной и той же эпохи, но и одного литературного направления: оба принадлежали к числу пролетарских писателей. Трудное детство, рано познакомившее их со взрослой жизнью, определило единую тематику произведений, идейный фокус которой направлен на поиск оптимального, наиболее благоприятного типа общественного устройства. Писатели пробовали себя в разных жанрах (поэтических, прозаических), свое творчество они связывали с попыткой поиска истины. Уже в стихотворении «Sannigssökaren» («Правдоискатель», 1927 г.) [Martinson 1927] Мартинсон создает образ странника, путешествующего по миру в поисках вечного, истинного. Будучи молодым писателем, Мартинсон сформулировал для себя принцип правдоискательства и сохранил его на всю оставшуюся жизнь. Платонов также искал истину: вся его художественная философия, особенно рубежа 1920–1930-х гг., строится на принципе правдоискательства. Истины ищут Саша Дванов в «Чевенгуре», Воцев — в «Котловане», Назар Чагатаев — в «Джане», а также многие другие герои Платонова. Уже в раннем периоде творчества писатели вынашивают идею о счастливом (утопическом) будущем и противопоставляют его настоящей жизни. В творчестве Мартинсона настоящая жизнь — «verklighet» (в переводе со шведского языка — ‘действительность, реальность’) «имеет негативную коннотацию» [Edqvist, Söderblom 1998: 279], в подтекстах произведений Платонова также ощущается противоречивость утопической концепции мироустройства и реальной действительности.

В поисках идеального социального устройства писатели видели нежелательные стороны реализации утопии и в большей мере концентрировали свой взгляд на них. Выражаясь словами Т. Ф. Гришенковой и А. Н. Черняевой, «они имели возможность с натуры изображать в своих произведениях утопическое “идеальное” государство, повернувшееся к ним своей тоталитарно-технократической ипостасью» [Гришенкова, Черняева 2014: 42–43]. Анализируемые в данной статье произведения — «Аниара» Мартинсона и «Котлован» Платонова — это примеры антиутопий, в основе которых лежит идея совершенствования бытия, доведенная до крайней степени абсурда. Авторы, выстраивая антиутопические модели, прибегают к схожим художественным приемам, мотивам и образам. Основываясь на этом, предположим, что концепции мироустройства, вырастающие в двух столь различных произведениях, окажутся близки.

Научно-фантастическая, постапокалиптическая антиутопия «Аниара» написана в 1956 г. (первые песни вышли в 1953 г. в сборнике «Цикада», продолжение поэмы опубликовано в 1980 г. в сборнике «Дорида»). По мнению ряда исследователей шведской литературы, в частности А. В. Коровина, это «одно из самых ярких поэтических творений на шведском языке» [Коровин 2008: 121]. Поэма навеяна многими событиями: атомной бомбардировкой американцами Хиросимы и Нагасаки, встречей Мартинсона с физиком Н. Бором, обострением холодной войны, испытанием первой водородной бомбы в СССР, изучением Туманности Андромеды [Edqvist, Söderblom 1998: 282]. Мартинсон вынашивал замысел поэмы несколько лет и в итоге создал выдающееся произведение, сюжет которого имеет вневременное звучание. Как отметила Е. Соловьева, ссылаясь на рецензию Т. Халля, «если бы “Аниара” была написана, например, на английском, то Х. Мартинсон был бы известен во всем мире как первейший и талантливейший скальд атомного века» [Соловьева 2000: 293]. В 103 песнях Мартинсон пророчески заглянул в будущее XXI в. и высказал свои опасения о судьбе человечества.

«Аниара» показывает путь развития человеческого общества. Люди, спасаясь от сильнейшего радиоактивного излучения на Земле, вызванного военными действиями, вынуждены отправиться в путешествие в поисках новой жизни на планету Тундр (Марс). На космическом корабле «Аниара» находятся 8000 переселенцев. Голдондер (в поэтическом языке Мартинсона так называется космический корабль), избегая столкновения с астероидом, сбивается с пути и оказывается в мертвом пространстве. Он летит в вечную, нескончаемую пустоту. «Одиссея» длится 24 года и заканчивается гибелью космического корабля. В «Аниаре» Мартинсон показывает, как технологически совершенное «государство» (в широком смысле слова) может стать причиной гибели человечества.

Уже на уровне проблематики видно новаторство шведского автора: он обращается к актуальной для 1950–1960-х гг. теме использования ядерной энергии (об этом писали К. Оэ, Дж. Херси, Дж. Вирек и др.) и развивает ее до масштабов глобальной катастрофы. Писатель открыто формулирует вопрос о дальнейшем существовании цивилизации, судьба которой, по его мнению, висит на волоске. Г. Ханссон в эссе «Om Aniara» («Об Аниаре») предостерегает читателя: «Мы не знаем, есть ли у жизни какой-нибудь смысл, но то, что Земля — это *райская планета*, нам бы следовало уяснить» (курсив в источнике. — И. Р., О. А.) [Hansson 2008: 91]. По мысли Мартинсона, планета Земля имеет наивысшую ценность, это настоящее сокровище, оазис

для человечества. Опасения Мартинсона вполне оправданы: стремясь к преобразованию жизни на Земле, человечество подвергает себя и окружающий его хрупкий мир угрозе исчезновения.

В повести Платонова «Котлован», написанной в 1929–1930 гг., раскрывается иной сюжет — сюжет социалистического строительства. Главное действие повести разворачивается вокруг строительства общепролетарского дома, куда должен войти на поселение местный класс пролетариата. Дом — это своеобразный символ новой жизни. Чтобы взрастить пролетария будущего, он должен во всем быть лучше старой жизни (по замыслу автора, он должен стать «очагом» общей счастливой жизни [Романовская 2016: 105]). На деле же дом превращается в собственную анти-модель: стройка становится страшным местом, где вместо обретения покоя люди умирают от тяжелого физического труда.

Конфликт утопического и антиутопического планов подчеркивает противоречие идеального и реального коммунизма/социализма. Утопический смысл обыгрывается идеей подобия котлована Вавилонской башне, где за строительством здания должно произойти качественное изменение жизни. Антиутопический план полностью перечеркивает утопию, мы видим, что строительство котлована показывает несостоятельность идеи социалистического общественного устройства. По сути, котлован — это только форма жизни, масштабный проект, лишенный какого бы то ни было содержания. Р. А. Бурханов и С. В. Мясникова пишут: «...дом в “Котловане” — это грандиозный мираж» [Бурханов, Мясникова 2008: 53]; это иллюзия нового социального устройства. Абсурд воплощения идеи в жизнь писатель связывает с апофеозом идеи переустройства жизни, преобладанием этой идеи над жизнью отдельного человека.

В столь разных по сюжету произведениях мы видим различные этапы реализации утопии. У Платонова строительство общепролетарского дома — это время свершения утопии, у Мартинсона космическое странствие — это время расплаты за ранее реализованную утопию. При этом у обоих писателей утопический мир превращается в жуткую по своей сути противоположность — антиутопию.

Сюжето- и жанрообразующими мотивами в обоих рассматриваемых произведениях являются мотивы странствия (пути), поиска счастья и мотив смерти. Мотив странствия показывает взаимоотношения человека с самим собой, другими людьми, внешним миром. Странствие осуществляется в произведениях в пространстве и времени. Главный герой «Котлована» Воцев странствует «по горизонтали» из одного места в другое (после увольнения с завода герой отправляется в город строить котлован и затем — в деревню для организации колхозной жизни), его странствие сопровождается поисками смысла жизни. Для Воцева это в большей мере духовный поиск: он жаждет обрести истинный смысл жизни, заполнить пустоту души.

В «Аниаре» переселенцы движутся от Земли вглубь Вселенной. Странствие как поиск нового места жизни (приюта) связано с биографией писателя: с 1920 по 1927 гг. Мартинсон был странствующим рабочим, часто скитался по Швеции и Норвегии. О своих путешествиях он говорил: «Я сам бродяжничал довольно много: 280 миль по Южной Америке, 100 миль в Северной Америке, затем в Голландии, Бельгии, Франции и по всей Скандинавии — в Швеции я обошел все области, кроме Эланда и Готланда, в Норвегии все провинции, кроме Сэтесдален (Сетсдаль. — *И. Р., О. А.*)» [Соловьева 2000: 287]. Мартинсон, так же как и Платонов,

хотел обустроить не только свою жизнь, но и жизнь всего человечества. Однако направление, в котором устремилось человечество, и в «Аниаре», и в «Котловане» губительно — оно ведет к смерти (эта мысль подтверждается цитатой из «Аниары»: «...обряд кремации напоминает нам, что нет у нас путей к иным мирам»¹). Поиск новой жизни сопряжен с посещением «царства мертвых»: в «Аниаре» таким царством выступает космос, в «Котловане» — сам котлован.

В обоих произведениях странствие воспринимается не как активное движение, энергичное перемещение из одного места в другое, а как статичное, фоновое состояние. Время в произведениях «уплотнилось» (по М. М. Бахтину [Бахтин 1975: 234–407]), статика позволила сделать сюжет длительным: в 103 песнях «Аниары» уместилось двадцать с лишним лет, в «Котловане» — неполный календарный цикл. Замедлив действие в настоящем, писателям удалось «привязать» к нему прошлое и будущее, сфокусировав внимание на проблемах бытия в трех проекциях: «было — есть — будет». Наиболее важную роль в понимании антиутопического подтекста произведений играет такая антитеза, как «здесь — там», которая выражает отношение героев к настоящему, т. е. происходящему в момент повествования, и прошлому (в «Аниаре») / будущему (в «Котловане»), т. е. происходящему в этих временных пластах.

Стоит отметить, что шведская поэма полна контрастов: жизнь противопоставляется смерти, человеческое тепло и уют — холодному, безжизненному космосу, могущественная сила человека — его же бессилию, свет — тьме, созидание — разрушению, божественное начало — дьявольскому. Мартинсон умело обыгрывает антитетические отношения в поэме и делает это для того, чтобы разграничить два пространства: земное (теплое, светлое, уютное, райское) и космическое (холодное, темное, безжизненное, адское). Противопоставление реального/ирреального (земного/космического) лучше всего раскрывается на примере образа дома, который, с одной стороны, является олицетворением Земли, храма света и добра, и, с другой стороны, — противоположностью космоса, аидова царства темноты и зла.

В «Аниаре» герои проходят путь от владения домом, который находится на стадии исчезновения, к поискам нового места обитания в космическом пространстве. Мысль о новом доме дает надежду на спасение цивилизации. Вместо воображаемого аниарцами нового места обитания выжившие обретают вполне реальный дом в виде космического корабля. Бегство с Земли после ядерной катастрофы на физическом уровне оборачивается возвращением к ней на уровне ментальном: герои «Аниары» пытаются воскресить в памяти воспоминания о природе, событиях, людях из прошлого.

Мартинсон поднимает в поэме такую важную проблему, как искупление вины. Человек видится писателю греховным существом, способным на тотальное уничтожение божественного мироздания (человек — «царь пепла» (Аниара. С. 141)). Нисхождение в пустоту становится отправной точкой для философских размышлений писателя о месте человека во Вселенной и смысле его существования в мире. Чем глубже в бездну падает корабль, тем четче видится противопоставление всеильного космоса и человеческого «я». Человек в масштабах Вселенной — это микроскопический организм, угрожающий, однако, существованию всего человечества

¹ Мартинсон Х. Аниара. Цит. по: [Мартинсон 1984]. (Далее — Аниара.) С. 82.

и планете Земля. В таком случае странствие по чудовищной бездне — это наказание за содеянное и одновременно искупление человеческих грехов. В наказание героини обретают дом, который вместо рая становится «ночью пространств пустых» (Аниара. С. 154).

Для усиления контраста между земным и космическим пространством Мартинсон обращается к базовым категориям света и тьмы, с помощью которых показывает глубину человеческих переживаний. Свет у Мартинсона символизирует любовь, счастье, воспоминания о былой жизни на Земле. В словаре символов Дж. Трессидера свет определяется как «явление космической силы, беспредельного добра и правды; ... символ бессмертия, вечности, рая, чистоты, откровения, мудрости, интеллекта, величия, радости и самой жизни» [Трессидер 2001: 146]. В «Аниаре» настоящим источником света представляется Карелия, которая в воспоминаниях героев реконструируется как «самая светлая среди светлых» (Аниара. С. 136). Свет олицетворяет проявление истинной жизни, центра мироздания. Странствие переселенцев на символическом уровне можно трактовать как путь через мрак к свету, обретению истины, которое должно было бы выглядеть как восхождение к Богу. В поэме, однако, перед читателем разворачивается противоположное — процесс нисхождения в бездну, море смерти, тьму и мрак. Отсутствие света подчеркивает какие-либо надежды на возрождение, жизнь как таковую и сигнализирует о смерти — как физической, так и духовной.

Любопытно, что источником света на корабле является технически совершенное устройство Мима, которое даже после смерти излучает свет («свет звездится» (Аниара. С. 154) у ее могилы). Она способна не только проецировать события, происходящие на Дорис и других планетах, но и ощущать физическое и духовное состояние человека, а также передавать его страдание и боль другим людям. Мима лишь наполовину сконструирована своим создателем, наполовину она создала себя сама. Как пишет С. Сёдерблум, Мима — «нечто большее, чем просто технология», это «существо женского пола, живое, чувствующее, порядочное, не поддающееся анализу»² [Söderblom 1994: 292]. Мима противопоставлена человеку как более нравственное существо. Уничтожение Дорисбурга, «вопли искореженной Земли», «бесчеловечность человека» (Аниара. С. 96) настолько поразили Миму, что в течение семи дней она медленно умирает.

Никто не хочет видеть, никто не в состоянии видеть того, что произошло. Но Мима, великий — в женском образе — компьютер... всё видит и чувствует. У нее нет выбора — она должна видеть, чувствовать и передавать информацию. Именно эта способность оказывается ей не по силам, и она взрывается изнутри [Hansson 2008: 91].

Смерть Мимы звучит как упрек человечеству, низости его деяний и духовной нищете.

В повести Платонова центральным образом также является образ дома, который создается писателем с опорой на противопоставление света и тьмы. А.К. Булыгин отмечает, что почти все части повести «заканчиваются наступлением ночи (тринадцать из двадцати), либо сном, либо приходом — уходом, либо смертью» [Булыгин 2002: 27]. На физическом уровне в художественном пространстве пове-

² Здесь и далее перевод со шведского наш. — И. Р., О. А.

сти свет почти не отличим от тьмы: днем землекопы не видят света, так как окружены чернотой почв, ночью находятся во власти беспробудного сна. Свет должен был бы разделить время суток на день и ночь, пространство — на надземное и подземное, но в повести смена времени суток и перемещение в пространстве происходит настолько незаметно, что читатель не видит существенной разницы между днем и ночью, нахождением героев под землей и над землей. Почти круглые сутки напролет героев окружает тьма; даже большинство диалогов происходит в темное время суток, так как дневное время землекопов отдано труду. Однако при этом свет маркирует утопические представления о будущем (у Мартинсона же свет связан с реконструкцией событий прошлого).

С одной стороны, свет в «Котловане» — это один из ориентиров, который помогает героям двигаться навстречу утопии (свет как синоним жизни). С другой стороны, качественные характеристики этого света указывают на то, что строительство все еще находится далеко от искомого счастья. М. Геллер, анализируя эпизод повести «плачь, баба, плачь сильней — это солнце новой жизни взошло и свет режет ваши темные глаза»³, называет образ строительства утопии «кошмарно-чудовищным» [Геллер 1982: 263]. «Режущий свет» оказывается жестоким по отношению к отдельному человеку, личности, и убийственным по отношению ко всем строителям новой жизни.

Несмотря на то, что любой минимальный свет в повести является средством продления жизни (герои словно цепляются за него как за соломинку, связывающую их настоящую жизнь с утопическим будущим), мать девочки Насти перед смертью говорит: «Туши свет, а то я все вижу тебя и живу» (Котлован. С. 453). Человек больше не хочет жить в таком «светлом будущем»; мать Насти указывает и причину: ей «стало скучно, она умиралась» (Котлован. С. 453). Героиня просит выключить «физический» свет, так как жить в **таком** воплощении социализма кажется ей невыносимым. Свет, изначально являющийся символом жизни у Платонова, превращается в символ уничтожения жизни как таковой.

Сюжето- и жанрообразующие категории света и тьмы по-разному работают в произведениях Мартинсона и Платонова, однако в том, как они используются, есть несомненная общность: свет у обоих авторов символизирует идиллические/утопические представления о жизни (в повести «Котлован» — это социалистическое **будущее**, в «Аниаре» — **прошлое** человечества). Свет — это одновременно маркер утопии и антиутопии. «Спутником» света становится ожидание наступления новой жизни, с одной стороны, и сожаление об утерянной жизни на Земле, с другой. С помощью категории тьмы показано **настоящее**, и чем оно становится «темнее», тем дальше от утопии счастливой жизни находятся герои.

Главные символы социальных преобразований в произведениях — общепролетарский дом и космический корабль — уводят человека в безжизненное, мертвое пространство. Переселенцы тонко подмечают, что они сами «себя заперли в гробу» (Аниара. С. 93), что их корабль — «огромный гроб из хрусталя» (Аниара. С. 151). Космос, включая находящийся в нем голдондер, в поэме Мартинсона овеян духом смерти: сам космос представляется кладбищем, корабль — гробницей, в которой погребены человеческие кости (в тексте поэмы также имеется сравнение корабля

³ Платонов А. П. Котлован. Цит. по: [Платонов 2011]. (Далее — Котлован.) С. 453.

с саркофагом (Аниара. С. 93) и склепом (Аниара. С. 103)). Процесс подготовки к космическому путешествию, развитие технологий, в том числе строительство голдондера, уподобляются пошиву савана. Мыслимый как возможность обретения новой жизни космос становится местом смерти, а Земля, в настоящем мыслимая как мертвая зона, напротив, оказывается в воспоминаниях аниарцев полной жизни:

Нас родила Земля. Она —
сокровище среди планет.
Для Жизни только там нашлись
и молоко, и мед.
Какие были там холмы,
леса, рассветы, воды.
Как гордо шили саван мы
для собственного рода.
И Бог, и Дьявол, сообща,
природы мертвой трепеща,
бегут с планеты меда.
О человек, царь пепла (Аниара. С. 140–141).

Находясь в свободном пространстве, не имеющем границ, аниарцы чувствуют себя запертыми в клетке, так как голдондер воспринимается ими как место их заключения — тюрьма. Заточение в «замке зла» (Аниара. С. 123) лишило переселенцев фундаментальных ценностей и позволило осознать вину. С помощью целого комплекса чувств (страха, страдания, стыда, отчаяния, одиночества) в процессе осознания безвозвратности прошлого, безвестности будущего, неопределенности настоящего герои в конечном итоге приходят к пониманию истинной ценности жизни.

В «Котловане» строительство общепролетарского дома ведется в обратном направлении. «Строительство останавливается на цикле котлована, движение вверх, связанное с идеей построения башни, оборачивается движением вниз, в рытье котлована, который оказывается пропастью и могилой для землекопов и девочки Насти» [Азарова 2009: 198]. Если рассматривать строительство котлована как движение вглубь, то возникают точки пересечения со странствием Аниары, в котором корабль также направлен вглубь космоса — в пропасть. Лексема «пропасть» имеет особое значение для понимания антиутопического подтекста повести, она присутствует в финальных размышлениях автора о котловане: «Все бедные и средние мужики работали с таким усердием жизни, будто хотели спастись навеки в пропасти котлована» (Котлован. С. 53) — это слово характеризует и место, и действие, и смысл произведения. Пропасть становится метафорой превращения человека в ничто, грозящей опасности, безрезультатности действия.

«Великое рытье» (Котлован С. 448) оборачивается для землекопов сизифовым трудом, доводит их до физического истощения. Котлован становится местом погребения мечты — пропасть котлована поглощает детей, ради которых строится «светлое будущее». Идея не выдерживает проверки настоящей жизнью; герои понимают, что финал для всех землекопов один — смерть. В создании внутренней атмосферы антиутопий Мартинсон и Платонов близки друг другу. Герои произведений ждут неизбежного конца, причем в их представлении конец ассоциирует-

ся именно с наступлением смерти, а не с безвестностью или прекращением труда. Смерть понятна героям Платонова, для них она обыденна: у рабочих уже есть гробы на будущее, сколоченные по их мерке; они используются под бытовые нужды — в качестве кроватей и как ящики для игрушек. Неизбежного конца ждут и аниарцы. Первым, кто осознал, что голдондер навсегда поглотила тьма космоса и нет ни малейшей надежды на спасение, был экипаж. Так, безымянная женщина-пилот, страдающая тоской, заметила, что лучше было бы осушить «чашу смерти за трапезой прощальной» (Аниара С. 80). На шестом году полета осознание неизбежности смерти как единственно возможного исхода пришло и к пассажирам: «И вот летим мы к неизбежной смерти / среди пространств безмерных, беспредельных» (Аниара. С. 81). Определенность и ясность становятся в поэтическом языке Мартинсона синонимами обреченности. Чтобы хоть как-то спастись от муки бесцельной жизни, переселенцы погружаются то в призрачные мечты, то в пучину жестокости и распущенности, то в полное безверие или идолопоклонство. Отсутствие цели, мысли, надежды — таков путь аниарцев к смерти. Корабль постепенно затихает, умирает. Пассажиры «полумертвы», их «стеклянно-ясные» взгляды направлены на созвездие Лиры, их путь в никуда (Аниара. С. 153).

Еще одной точкой соприкосновения между произведениями Мартинсона и Платонова является прием деиндивидуализации. У Платонова герои — каждый по отдельности и все вместе взятые — образуют безликую массу. О главном герое повести — Вощеве — известно, что в «день тридцатилетия личной жизни» он получил «расчет с небольшого механистического завода, где он добывал средства для своего существования» (Котлован. С. 413). О других героях Платонова также известно немного: Чиклин похож на «бесцельного мученика» (Котлован. С. 434), имеет «маленькую каменистую голову, густо обросшую волосами» (Котлован. С. 440), Козлов — сильно «истомленный» человек (Котлован. С. 427), у Сафронова — «молчаливое лицо» (Котлован. С. 473). Ни одна из указанных характеристик не работает на создание яркого, запоминающегося образа. Лица и характеры героев стерты. Деиндивидуализация образов подтверждается и отсутствием имен у героев: в большинстве своем они названы по фамилии (Козлов, Сафронов, Вощев, Жачев и др.), исключение составляет девочка Настя, образ которой олицетворяет будущую жизнь. Платонов создал тип человека, угасающего под гнетом бесплодной идеи, героя, который живет и работает ради воплощения социального идеала в жизнь.

В поэме Мартинсона прием деиндивидуализации также связан с наименованием и невыразительностью личностных черт героев. Так, повествователь сообщает: «Я безымянен. Я — служитель Мимы / и называюсь просто “мимароб”» (Аниара. С. 100). Он не наделен чертами индивидуального характера, из восьмимысячного населения голдондера его выделяет лишь его трудовая функция — «служитель Мимы». Так же как и прочие переселенцы, он боится смерти, боится ее ясности и неизбежности, пытается найти утешение в забытии, танцах и объятиях женщин. Он — часть замкнутой группы, существование которой подчинено общим правилам и облекается в нормативные рамки высказываниями безликого Руководства. Члены экипажа также безымянны, исключение составляет красавица-пилот Изагель. Однако и это исключение условно, так как имя Изагель ненастоящее и дано ей в соответствии с особым статусом на «Аниаре» (Аниара. С. 100). Как и у Платонова, герои Мартинсона, носящие имена, являют собой символы: Изагель символизирует

ет блистательную силу ума, Нобия — гуманность, Дейзи Дуди — счастливую беззаботную жизнь, Шефорк — процесс саморазрушения человека и пр.

Писатели противопоставляют «настоящим личностям» образы героев-«функций». В «Котловане» роль героев состоит в исполнении заданий по строительству котлована, в «Аниаре» — в подчинении Миме и Руководству голдондера. Будь герои произведений наделены пониманием своего места, роли и предназначения в жизни, исход обоих произведений с большой долей вероятности был бы иным: процесс индивидуализации мог бы лечь в основу совершенно иных социальных преобразований. «Произошедшая же с людьми аннигиляция, превращение человека в ничто лишила мир будущего» [Никонова 2011: 157].

Итак, в данной статье предпринята попытка осмыслить образное воплощение антиутопии в поэме Мартинсона «Аниара» и повести Платонова «Котлован». На основе сравнительного анализа художественных категорий и средств было выявлено, что жанр антиутопии диктует авторам схожие художественные решения. Так, ключевым мотивом в анализируемых произведениях является мотив смерти, который выстраивается с опорой на антитезы «дом — пропасть», «свет — тьма», «человек — масса» и тесно связан с мотивом странствия (пути). У обоих писателей смерть показана как необратимая энтропия. Каждый из героев воспринимает себя участником созидательного процесса, но как такового созидания в художественной реальности произведений нет и быть не может: чем дольше герои странствуют в космосе или роют котлован, тем отчетливее видна невозможность реализации утопии. Мартинсон и Платонов тонко чувствуют подмену ценностей в современном мире: то, что должно цениться превыше всего — человеческая жизнь и планета Земля, — подлежит уничтожению, а то, что априори является злом (несущие смерть технологии, насильственно насаждаемая идеология), преподносится как некое «чудо», способное изменить жизнь. В вопросах экзистенциального порядка, касающихся взаимоотношений человека с внешним миром, писатели концептуально близки: оба провозглашают мироустройство, важнейшим элементом которого является жизнь человека на планете Земля. В духе замятинского «Мы» Мартинсон и Платонов предостерегают человечество от технократического развития общества и губительных последствий социальных экспериментов.

Источники

Платонов 2011 — Платонов А. П. *Чевенгур*. Малыгина Н. М. (ред.). М.: Время, 2011.

Мартинсон 1984 — Мартинсон Х. *Избранное: поэзия. Драматургия. Проза*. Парин А. (ред.). М.: Радуга, 1984.

Martinson 1927 — Martinson H. Sanningssökaren. *Arbetaren*. 1927, 27 aug. <https://litteraturbanken.se/författare/MartinsonH/titlar/UrArbetaren/sida/I/faksimil?storlek=5> (дата обращения: 05.08.2021).

Словари и справочная литература

Тресиддер 2001 — Тресиддер Д. *Словарь символов*. М.: Гранд; Фаир-пресс, 2001.

The Nobel Prize 2020 — *The Nobel Prize in Literature 1974*. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach AB 2021.

Mon. 9 Aug 2021. <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/1974/summary> (дата обращения: 09.08.2021).

Литература

- Азарова 2009 — Азарова Н. Образ дома в повести Андрея Платонова «Котлован» и романе Евгения Замятина «Мы». *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2009, (3): 198–203.
- Бахтин 1975 — Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М.: Художественная литература, 1975.
- Булыгин 2002 — Булыгин А. К. «Котлован» Андрея Платонова. *Проблематика и поэтика (жанрово-композиционное своеобразие и мифопоэтический аспект)*. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
- Бурханов, Мясникова 2008 — Бурханов Р. А., Мясникова С. В. Социальный идеал в философско-литературных произведениях А. П. Платонова. *Вестник Нижневарттовского государственного университета*. 2008, (2): 51–54.
- Геллер 1982 — Геллер М. *Андрей Платонов в поисках счастья*. Париж: Ymca-Press, 1982.
- Грищенко, Черняева 2014 — Грищенко Т. Ф., Черняева А. Н. Предписанное счастье антиутопий XX века. В сб.: *Культура. Духовность. Общество*. Чернов С. С. (ред.). Сер.: Литературоведение. Новосибирск: ЦРНС, 2014. С. 41–45.
- Коровин 2008 — Коровин А. В. Современная скандинавская литература. Статья вторая. *Современная Европа. Мир европейской культуры*. 2008, (1): 110–127.
- Никонова 2011 — Никонова Т. А. *Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью*. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2011.
- Романовская 2016 — Романовская И. В. Категория абсурда в повести А. Платонова «Котлован»: к вопросу о шведской рецепции. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2016, 3 (156): 104–108.
- Романовская 2019 — Романовская И. В. *Рецепция творчества А. П. Платонова в Швеции*. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2019.
- Соловьева 2000 — Соловьева Е. Харри Мартинсон — певец гармонии и доброты. Послесловие к изданию. В кн.: Мартинсон Х. *Аниара. Дорога в Царство Колоколов*. М.: Панорама, 2000. С. 284–294.
- Hansson 2008 — Hansson G. D. Om Aniara. *Lyckans berså. Essäer och annat*. 2008, (6): 91–92. <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/HanssonGD/titlar/LyckansBers%C3%A5/sida/91/etext> (дата обращения: 05.08.2021). (На швед. яз.)
- Edqvist, Söderblom 1998 — Edqvist S. G., Söderblom I. *Svenska författare genom tiderna*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1998. (На швед. яз.)
- Söderblom 1994 — Söderblom S. *Harry Martinson*. Stockholm: Natur och Kultur, 1994. <https://litteraturbanken.se/författare/SöderblomS/titlar/HarryMartinson/sida/3/faksimil> (дата обращения: 05.08.2021). (На швед. яз.)

Статья поступила в редакцию 23 августа 2021 г.
Статья рекомендована к печати 14 февраля 2022 г.

Irina V. Romanovskaja

Petrozavodsk State University,
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russia
romanovskaia.irina@gmail.com

Oksana G. Abramova

Petrozavodsk State University,
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russia
abramova@petrsu.ru

Dystopia in works of Harry Martinson and Andrei Platonov

For citation: Romanovskaja I. V., Abramova O. G. Dystopia in works of Harry Martinson and Andrei Platonov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2022, 19 (2): 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205> (In Russian)

The paper presents a comparative study of two literary works which are basically different in their forms of expression: the poem “Aniara” by Harry Martinson, and the novel *The Foundation Pit* by Andrei Platonov. The common ground of the two authors’ literary philosophy is emphasized, as well as their common themes and the similarity of ideas, which is determined both by the personal experience and the ways of mankind’s evolution in the first half of the 20th century. The analysis shows that the existence improvement concept lies at the bottom of the studied works. Though this concept has reached the ultimate stage of absurdity where the initially positive ideas to build a house for the country’s proletarians (Platonov) and to save the mankind in the space (Martinson) lead to a negative result: death. While the Platonov’s novel is well-known for a wide audience, the poem of the Swedish author is a revelation for the majority as an example of post-apocalyptic dystopia written in an elegant poetic language. The present article introduces what these two literary works have in common in relation to genre (both the poem and the novel represent failed utopia — dystopia) and architectonics. The story lines are based on such motifs as motif of traveling, motif of searching for happiness and truth, and motif of death, a key-motif for both literary works.

Keywords: dystopia, Martinson, *Aniara*, Platonov, *The Foundation Pit*.

References

- Азарова 2009 — Azarova N. The image of house/ home in the story by Andrei Platonov “The Foundation Pit” and the novel by Yevgeny Zamyatin “We”. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*. 2009, (3): 198–203. (In Russian)
- Бахтин 1975 — Bakhtin M. M. *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. (In Russian)
- Булыгин 2002 — Bulygin A. K. “*The Foundation Pit*” by Andrei Platonov. *Perspectives and poetics (originality in genre and composition, mythopoetical aspect)*. Thesis for PhD in Philological Sciences. St Petersburg, 2002. (In Russian)
- Бурханов, Мясникова 2008 — Burkhanov R. A., Miasnikova S. V. The social ideal in philosophical and literary works of A. Platonov. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008, (2): 51–54. (In Russian)
- Геллер 1982 — Geller M. *Andrei Platonov in search of happiness*. Parizh: Ymca-Press Publ., 1982. (In Russian)
- Гришенкова, Черняева 2014 — Grishenkova T. F., Cherniaeva A. N. The prescribed happiness of the twentieth century’s dystopias. In: *Kul’tura. Dukhovnost’. Obshchestvo*. Chernov S. S. (ed.). Ser.: Literaturovedenie. Novosibirsk: TsRNS Publ., 2014. P. 41–45. (In Russian)
- Коровин 2008 — Korovin A. V. Modern Scandinavian literature. The second article. *Sovremennaiia Evropa. Mir evropeiskoi kul’tury*. 2008, (1): 110–127. (In Russian)

- Никонова 2011 — Nikonova T. A. *Andrei Platonov in dialogue with the world and social reality*. Voronezh: Nauka-Iunipress Publ., 2011. (In Russian)
- Романовская 2016 — Romanovskaia I. V. The category of absurd in Andrei Platonov's "The Foundation Pit": on the question of the Swedish perception. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016, 3 (156): 104–108. (In Russian)
- Романовская 2019 — Romanovskaia I. V. *Perception of Andrei Platonov's works in Sweden*. Thesis for PhD in Philological Sciences. Petrozavodsk State University. Petrozavodsk, 2019. (In Russian)
- Соловьева 2000 — Solov'eva E. Harry Martinson — a singer of harmony and kindness. Afterword to the edition. In: Martinson H. *Aniara. Doroga v Tsarstvo Kolokolov*. Moscow: Panorama Publ., 2000. P. 284–294. (In Russian)
- Hansson 2008 — Hansson G. D. Om Aniara. *Lyckans berså. Essäer och annat*. 2008, (6): 91–92. <https://litteraturbanken.se/f%C3%B6rfattare/HanssonGD/titlar/LyckansBers%C3%A5/sida/91/etext> (accessed: 05.08.2021).
- Edqvist, Söderblom 1998 — Edqvist S. G., Söderblom I. *Svenska författare genom tiderna*. Stockholm: Almqvist & Wiksell Publ., 1998.
- Söderblom 1994 — Söderblom S. *Harry Martinson*. Stockholm: Natur och Kultur, 1994. <https://litteraturbanken.se/författare/SöderblomS/titlar/HarryMartinson/sida/3/faksimil> (accessed: 05.08.2021).

Received: August 23, 2021
Accepted: February 14, 2022